

СОДЕРЖАНИЕ

ВВЕДЕНИЕ.	9
-----------------------	---

Глава 1.

Генерология и онтология конституционного развития в Российской Федерации сквозь призму общемировых и национальных тенденций	14
--	----

1.1. Генерология конституций и эволюция их предназначения	14
---	----

1.2. Понятие конституции и конституционного пространства в современных интерпретациях. Анализ общего подхода на примере конституционной практики Российской Федерации	31
---	----

1.3. Современные тенденции развития государственности в условиях конституционной модернизации	56
---	----

1.4. Конвергенция международного публичного и конституционного права: основные институты и тенденции	76
--	----

1.5. О тенденции гибридизации конституционного строя современных государств в условиях кризиса либеральной демократии и новых критериях оценки успешных государств	87
--	----

1.6. Духовная мобилизация конституций – фундаментальная цель XXI в. и национальная идентичность России	100
--	-----

1.7. Конституционализация правосудия как тенденция развития современной правовой системы: Российская Федерация сквозь призму мирового опыта	114
---	-----

Глава 2.

Конституция будущего в Российской Федерации: диагностика и прогноз конституционного развития в мировом измерении	123
2.1. Конституция как идеал и реальность	123
2.2. Современная Россия: конституционная эволюция или конституционная революция?	148
2.3. Диагностика конституционной эволюции современной России	153
2.4. Будущее российской Конституции	165
ЗАКЛЮЧЕНИЕ	172

CONTENT

INTRODUCTION.	9
----------------------------	---

Chapter 1.

Generology and ontology of constitutional development in the Russian Federation through the prism of global and national trends	14
--	----

1.1. The generology of constitutions and the evolution of their purpose	14
--	----

1.2. The concept of the Constitution and constitutional space in modern interpretations. Analysis of the general approach on the example of the constitutional practice of the Russian Federation	31
--	----

1.3. Current trends in the development of statehood in the context of constitutional modernization	56
---	----

1.4. Convergence of international public and constitutional law: the main institutions and trends	76
--	----

1.5. On the hybridization of the constitutional system of modern states in the context of the crisis of liberal democracy and new criteria for evaluating successful states	87
--	----

1.6. Spiritual mobilization of constitutions is the fundamental goal of the XXI century and the national identity of Russia	100
---	-----

1.7. The constitutionalization of justice as a trend in the development of the modern legal system: The Russian Federation through the prism of world experience	114
---	-----

Chapter 2.

**The Constitution of the future in the Russian Federation:
diagnostics and forecast of constitutional development
in the global dimension 123**

2.1. The Constitution as an ideal and reality 123

2.2. Modern Russia: constitutional evolution
or constitutional revolution? 148

2.3. Diagnostics of the constitutional evolution
of modern Russia 153

2.4. The Future of the Russian Constitution 165

CONCLUSION 172

ВВЕДЕНИЕ

Тридцатилетие действующей Конституции РФ отмечается в период серьезной конституционно-правовой трансформации общемирового и национальных публичных правопорядков. В XXI столетии в условиях глобализации угроз и вызовов стабильному и поступательному развитию человеческой цивилизации, а также новых технологических прорывов в научно-техническом прогрессе обнаружился запрос на фундаментальные и прикладные конституционные преобразования. Среди них выделяется пять ключевых направлений.

Во-первых, возникла необходимость пересмотра традиционно устоявшейся либерально-демократической доктрины конституционализма и признания объективной закономерности возникновения гибридных, в том числе государственно-тоталитарных, моделей конституционного строя¹ в связи с выдвиганием таких новых критериев оценки успешных и прогрессивных государств, как благополучие народа (нации), общественное или национальное благосостояние, стабильность и эффективность власти, устойчивое развитие, мир и безопасность, сплоченность и единство нации, баланс публичных и частных интересов и т.д.

¹ См., напр.: Peerenboom R. Social foundations of China's living Constitution // Comparative constitutional design / ed. by Ginsburg T. – Cambridge, 2013. – P. 162–163; Law D.S. Alternatives to liberal constitutional democracy // Maryland law review. – Washington, 2017. – Vol. 77, N 1. – P. 223–244.

Во-вторых, доктрина глобального международно-правового конституционализма, выдвинутая на стыке прошлого и нынешнего веков, вступила в фазу острого противодействия с доктринами государственного суверенитета, верховенства национальной конституции, национальной и конституционной идентичности. Новейшие конституции и конституционные поправки к ним, принятые в последние годы, свидетельствуют об уточнении взаимодействия международного права и национального права, о более четком обрамлении пределов их конвергенции.

В-третьих, конституционалисты настаивают на выделении новых ключевых ценностей и принципов конституционализма в иерархии конституционной аксиологии и таксономии. К фундаментальным базисным принципам и одновременно ценностям государственного и общественного строя современные конституции относят принципы национальной идентичности, справедливости, социальной солидарности, общей ответственности, патриотизма, уважения человека труда, сохранения традиционных духовно-нравственных ценностей и др. Это отражается не только в конституционных изменениях, но и в решениях высших национальных судов. Значительное внимание уделяется интеграции правовых принципов и норм с нравственностью и религиозными нормами. По сути, активно формируется доктрина идейно-духовной конституции как обязательной составляющей конституционного текста любого государства.

В-четвертых, обнаружилась тенденция технократической прагматизации конституционализма и выделения его новых видов в единой матрице конституционализма. На фоне Четвертой научно-технологической революции, резкого скачка в развитии биотехнологий и геномной инженерии выдвигаются идеи ИТ-конституционализма, или цифрового конституционализма¹, биоконституционализма

¹ См., напр.: Кравец И.А. Цифровой конституционализм : методологические и правовые аспекты // Государство и право. – 2022. – № 1. – С. 19–33; Constitutional challenges in the algorithmic society. – Cambridge : Cambridge Univ. Press, 2021. – P. 22; The algorithmic society. technology, power, and knowledge / ed. by Marc Schuilenburg and Rik Peeters. – Abingdon, Oxon ; New York : Routledge, 2020. – P. 1, 2. – URL: https://www.researchgate.net/publication/347062960_The_algorithmic_society (дата обращения: 10.10.2023); The IT revolution and its impact on state, constitutionalism and public law / ed. Martin Belov. – Oxford : Hart Publishing, 2021. – P. 1–12. – URL: <https://f.twirpx.one/file/3704346/?ysclid=lobtxno7a485732257> (дата обращения: 10.10.2023); Celeste E. Digital constitutionalism. The role of Internet bills of rights. – Abingdon ; New York : Routledge, 2023. – 242 p.; De Gregorio G. Digital

и нейроконституционализма¹, возникают задачи создания конституционной доктрины нейроправа², биоправа³, квантового права⁴, наноправа и других новых правовых комплексов – будущих отраслей технологического права.

В-пятых, под влиянием концепций устойчивого развития, экологии человека, национального благополучия, выживания человечества и других в конституционном, отраслевом и межотраслевом измерениях исследователи, включая автора данной статьи, активно используют такие термины, как экономическая, социальная, экологическая, духовно-культурная конституции и пр., предлагая новые самостоятельные разделы в основные законы и настаивая на расширении сфер конституционного регулирования.

Данные общемировые тенденции затрагивают все государства, включая Российскую Федерацию. Современная Россия, вовлеченная в бинарный процесс развития двух противоположных тенденций – глобализации и борьбы за национальную идентичность (самоидентификацию) конституционного строя, – отразила в своих формальной и реальной конституциях как радикальные, так и умеренно эволюционные процессы преобразования принципов и ценностей конституционализма, изначально закрепленных в первичном конституционном тексте 1993 г.

Начало XXI столетия демонстрирует высокий уровень турбулентности в планетарном развитии человеческой цивилизации. В начале нового тысячелетия Декларация тысячелетия ООН 2000 г. провозгласила веру в нерушимые основы более мирного,

constitutionalism in Europe. Reframing rights and powers in the algorithmic society. – Cambridge, UK : Cambridge Univ. Press, 2022. – 366 p. и др.

¹ См., напр.: Кравец И.А. Бионейроконституционализм и достоинство: теоретические основы, диалог этических и юридических требований и перспективы взаимодействия (часть 1 и часть 2) // Журнал российского права. – 2022. – № 2. – С. 5–31.

² См., напр.: Neurolaw : advances in neuroscience, justice & security: eBook / ed. by Sjors Ligthart, Dave van Toor, Tijs Kooijmans, Thomas Douglas, Gerben Meynen. – 2021. – 278 p.; Philosophical foundations of law and neuroscience / ed. by D. Patterson, M.S. Pardo. – Oxford : Oxford Univ. Press, 2016. – 272 p. и др.

³ См.: Умнова-Конюхова И.А., Алешкова И.А. Биоправо как отрасль права нового поколения // Вестник Томского гос. ун-та. Право = Tomsk State Univ. Journal of Law. – 2021. – № 41. – С. 98–118.

⁴ См.: Gromova E.A., Petrenko S.A. Quantum law : The beginning // Journal of digital technologies and law. – 2023. – N 1(1). – P. 62–88.

процветающего и справедливого мира. В ней утверждается, что помимо индивидуальной ответственности перед собственными обществами государства несут также коллективную ответственность за утверждение принципов человеческого достоинства, справедливости и равенства на глобальном уровне. Поэтому международное сообщество ответственно перед всеми жителями Земли, особенно перед наиболее уязвимыми из них, и в частности перед детьми мира, которым принадлежит будущее.

Опираясь на этот оптимизм, в 2015 г. ООН выдвинула 17 амбициозных целей устойчивого развития до 2030 г. (ЦУР), чтобы повсеместно ликвидировать нищету и голод, обеспечить всеохватное и качественное образование, полную трудовую занятость и достойную работу для всех, рациональные модели потребления и производства, рациональное использование природных ресурсов и сохранение экосистем; снижение уровня неравенства; построение миролюбивых и открытых обществ в интересах устойчивого развития и др. Начиная с 2019 г. оптимизм прогнозов, однако, значительно снизился, что наглядно отразилось в докладах ООН о человеческом развитии (ДЧР) 2019 г. (о неравенстве), 2020 г. (об антропоцене) и 2021/2022 г. (о неопределенности). Название Доклада 2021/2022 – «Неопределенные времена, неустроенные жизни: формируя наше будущее в меняющемся мире» – говорит само за себя. Люди во всем мире, пишется в Докладе, теперь признаются, что чувствуют себя все более незащищенными. 2022 – начало 2023 г. привели к кульминации массовой неуверенности в завтрашнем дне на фоне трехлетнего размножения штаммов коронавирусной инфекции, глобальной угрозы климатической катастрофы, разрастающегося энергетического кризиса, военной эскалации в Сирии и Йемене, вокруг Украины, между Израилем и Палестиной и роста других точек напряжения.

Составители Доклада о человеческом развитии 2021/2022 г. в предисловии к нему обращают внимание на беспрецедентную дестабилизацию планетарной человеческой цивилизации и на то, что люди погружаются во все «новые сложные, взаимодействующие источники неопределенности для всего мира и для каждого из нас». Хаос неопределенности, в который вверглось человечество, заставляет искать ответы на базисные вопросы нашего существования, среди которых для конституционалистов-правоведов первоочередным видится вопрос о конституционном строе государств, обеспечивающем

будущее человечества. Ответ на этот вопрос предопределяет необходимость выявления тенденций и перспектив конституционного развития.

Для России актуальным является осмысление 30-летнего периода эволюции российского конституционного строя после принятия Конституции РФ 1993 г. сквозь призму мировых процессов конституционных трансформаций. На фоне гибридизации моделей конституционного строя современных государств в целях нахождения компромисса между общими международными стандартами и национальной идентичностью, определяются особенности и перспективы совершенствования существующей модели российского конституционализма.

ГЛАВА 1

ГЕНЕРОЛОГИЯ И ОНТОЛОГИЯ КОНСТИТУЦИОННОГО РАЗВИТИЯ В РОССИЙСКОЙ ФЕДЕРАЦИИ СКВОЗЬ ПРИЗМУ ОБЩЕМИРОВЫХ И НАЦИОНАЛЬНЫХ ТЕНДЕНЦИЙ

1.1. Генерология конституций и эволюция их предназначения

Более двухсот государств существует в рамках современной земной цивилизации¹. При этом неуклонно развивается обозначенная в ушедшем столетии тенденция роста числа государств, становящихся на путь утверждения конституционализма и формирования конституционного строя путем принятия основных законов – конституций.

Не все государства, как известно, имеют писанные конституции (например, Соединенное Королевство, Израиль, Швеция, Канада, Новая Зеландия, Сан-Марино, Ливии), но в них существует свод законов (биллей) конституционного значения.

К примеру, Конституцию Швеции составляют четыре конституционных закона: Правительственный акт, Закон о свободе прессы, Основной закон о свободе выражения мнений и Акт о престолонаследии. В Израиле долгое время длится дискуссия о необходимости принятия конституции и в настоящее время ее роль

¹ По данным ООН, сегодня в мире насчитывается более 230 стран, из них около 197 – суверенные государства (чей суверенитет признан Россией) и 195 государств считаются общепризнанными, так как входят в ООН (193 – государства-члена и два государства-наблюдателя) // Члены Организации Объединенных Наций. – URL: <https://www.un.org/ru/about-us/member-states> (дата обращения: 15.10.2023).

выполняет свод «Основные законы». К концу 2018 г. в него вошло 13 законов: о президенте, правительстве, свободе человека, свободе деятельности и др.

Между тем общая динамика такова, что число государств, в которых приняты писанные конституции, растет. На начало нынешнего столетия эксперты отмечали, что в современном мире действует около 200 конституций различных государств, 300 основных законов (конституций, уставов) субъектов федерации¹.

Наука конституционного права стремится провести периодизацию конституций с точки зрения этапов развития общечеловеческой истории и выделить их поколения.

Если посмотреть на конституционное развитие в историческом контексте, то конституциями называли еще публично-правовые акты римских императоров. Учредительную функцию конституций государств выполняли также первые акты о престолонаследии и о правах и вольностях, т.е. законы, определяющие основы публичного правопорядка в Средние века. Так, в Соединенном Королевстве в настоящее время руководствуются совокупностью законов, судебных прецедентов и конституционных обычаев, однако все они основаны на Великой хартии вольностей 1215 г. и Билле о правах 1689 г. В Сан-Марино тоже нет моноконституции, и в этом государстве руководствуются как Декларацией прав граждан и основных принципов государственного устройства 1974 г. (с поправками 2002 г.), так и первыми государствообразующими конституционными правовыми актами – Статутами 1600 г.

В дореволюционной России также не было единой Конституции, но фактически ее функции выполняли законы, касающиеся публичного права, в частности в Своде законов Российской империи 1832 г. (переиздан в 1842 и 1857 гг.).

Очевидно, что генезис конституций берет свое начало с момента появления государства и права как таковых в той части, в которой законы определяют основы государственного и общественного строя. Вместе с тем в формально-юридическом измерении отсчет в генерологии конституций следует проводить именно с того момента, когда конституция как моноакт официально появилась в истории человечества в качестве основного закона государства и общества и выделилась в системе внутреннего законодательства как акт,

¹ См.: Чиркин В.Е. Современная модель конституции : прежние и новые приоритеты // Изв. вузов. Правоведение. – Санкт-Петербург, 2003. – № 2. – С. 50.

обладающий верховенством и высшей юридической силой. При таком подходе среди конституционалистов-правоведов сложилось доминирующее мнение о том, что генерологию конституций, т.е. их поколения, нужно систематизировать, исходя из признания первой конституцией Конституцию США 1787 г. Выявляя динамику конституционного развития прошлых столетий, исходя из такой позиции, исследователи предпринимают попытку обозначить поколения конституций, базируясь на ключевых этапах человеческой истории.

Так, В.В. Маклаков выделял три периода развития конституций: 1) конституции с момента их появления до Первой мировой войны; 2) конституции межвоенного 20-летия; 3) конституции периода после Второй мировой войны. Последний период В.В. Маклаков делил на два: первый – до начала 1990-х годов, второй – после этого времени, когда произошло крушение социалистической системы в европейских странах, а бывшие социалистические государства стали вводить конституционное регулирование в новых экономических и политических реалиях¹. М.А. Могунова также выдвигала три поколения конституций: 1) конституции первого этапа (конец XVIII–XIX вв.); конституции первой половины XX столетия и конституции современного периода².

Представляется, что предлагаемые учеными периодизации в целом корректны, но охватывают неравноценные по времени периоды и не лишены недостатков с точки зрения оценки современного периода конституционного развития. Едва ли сегодня нужно останавливаться на том, чтобы объединять в одну группу все конституции, принятые после Второй мировой войны. Не случайно сами авторы предлагаемых периодизаций пытаются провести различия между конституциями, принимаемыми во второй половине XX в., и теми, что были учреждены в конце XX – начале XXI в.

В учебниках, изданных в последние годы, периодизация конституционного развития уточняется. Так, Е.А. Кремянская и М.В. Баглай выделяют уже четыре этапа конституционного развития, которые характерны для европейских государств. Первый этап

¹ См.: Маклаков В.В. Конституции зарубежных государств: Великобритания, Франция, Германия, Италия, Европейский союз, Соединенные Штаты Америки, Япония : учеб. пособие. – 8-е изд., испр. и доп. – Москва : Инфотропик Медиа, 2012. – С. 6.

² См.: Конституционное (государственное право) зарубежных стран : в 4 т. Т. 1–2. Часть общая : учебник / отв. ред. проф. Б.А. Страшун. – 3-е изд., обновл. и дораб. – Москва : Изд-во БЕК, 2000. – С. 60–69.

датируется XIX в., второй – с начала XX в. до его середины, третий – с окончания Второй мировой войны и до 1990-х годов, четвертый – с 1990-х годов по настоящее время¹.

Если рассматривать периодизацию конституций в общемировом, глобальном измерении, то представляется целесообразным выделить следующие четыре поколения конституций:

- первого или старого поколения (до Первой мировой войны);
- второго поколения, или межвоенного 20-летия (между Первой и Второй мировыми войнами);
- третьего поколения (после Второй мировой войны вплоть до последнего десятилетия XX в.);
- современного (четвертого) поколения – новейшего времени (последнее десятилетие XX – первые два десятилетия XXI в.).

Характерной особенностью конституционного развития в период принятия конституций третьего и четвертого поколений является высокая интенсивность данного процесса. Лишь с конца 1980-х годов до 1997 г. было принято более 100 новых конституций, отразивших изменение строя и конституционных приоритетов².

Конституции третьего поколения отразили общий подъем демократического и освободительного движения, тенденции, вызванные научно-техническим прогрессом и расширением международного сотрудничества государств с целью предотвращения угрозы новой мировой войны. Их можно классифицировать по меньшей мере по трем группам.

Первая группа – конституции государств, победивших фашизм и преодолевших тоталитарный или иной недемократический, в том числе милитаризованный, режим (например, конституции Италии 1947 г., Японии 1947 г., ФРГ 1949 г., Португалии 1976 г., Испании 1978 г., Боливии 1967 г., Гаити 1987 г. и др.).

Вторая – конституции стран, получивших независимость в результате распада колониальных империй, ликвидации режима апартеида и установления нового, более демократичного режима власти (конституции Индии 1950 г., Малайзии 1957 г., Сенегала 1963 г., Сингапура 1963 г., Барбадоса 1966 г., Гренады 1973 г., Марокко 1972 г., Антигуа и Барбуда 1981 г., Алжира 1989 г. и др.).

¹ См.: Конституции зарубежных стран : учебник / под общ. ред. М.В. Баглая, Ю.И. Лейбо, Л.М. Энтина. – 5-е изд., перераб. и доп. – Москва : Норма : ИНФРА-М, 2022. – С. 74.

² См.: Чиркин В.Е. Конституционное право зарубежных стран / РАН, Ин-т государства и права. – Москва : Норма, 1997. – С. 13.

К третьей группе принадлежат конституции стран, учредивших или конституционно закрепивших свою государственность либо существенно реформировавших свой государственный и общественный строй с целью расширения демократии и стабилизации общественно-политического строя (например, конституции Франции 1946 и 1958 гг., Иордании 1952 г., Брунея 1959 г., Кувейта 1962 г., РСФСР 1978 г. с многочисленными поправками вплоть до 1992 г., Ирана 1979 г., Бразилии 1988 г. и др.).

Конституции этого поколения не только развили и углубили сущность конституции, преобразовав ее в полной мере из главного закона государства в основной закон государства и общества.

Расширение объекта конституционного регулирования было обусловлено общими тенденциями возрастания роли государства в экономике, политике, социальной и культурной сферах, интеграцией государств и международными договоренностями о правах и свободах человека и гражданина (в частности, принятие Всеобщей декларации ООН о правах человека 1948 г., Международного пакта ООН о гражданских и политических правах 1966 г. и Международного пакта об экономических, социальных и культурных правах человека 1966 г., региональных международных договоров о правах человека – Европейская конвенция о защите прав человека и основных свобод 1950 г., Американская конвенция о правах человека 1978 г., Африканская хартия прав человека и народов 1986 г., Арабская хартия прав человека 2004 г. (вступила в силу в 2008 г.) и т.п.). В этой связи в конституциях этого поколения качественно увеличен перечень прав и свобод человека и гражданина, в особенности экономических, социальных и духовно-культурных прав. В них появились статьи о равноправии мужчины и женщины в государственной, общественной и семейной жизни, о правовой защите детей и молодежи, о школьном образовании, охране окружающей среды и т.д. Права и свободы детализируются, уточняются и унифицируются в соответствии с международными декларациями, пактами, конвенциями и другими международно-правовыми документами, регулирующими правовое положение человека. Значительное место отводится проблемам экологической безопасности, социальной справедливости, трудовой занятости.

Дальнейшее развитие получили конституционные положения, регулирующие внешнеполитическую деятельность государств. В конституциях стали определяться такие важнейшие вопросы, как принципы внешнеполитической деятельности государств; соотношение норм международного права и внутригосударственных норм; полномочия органов государства по заключению и ратификации

международных договоров и соглашений; порядок решения вопросов, связанных с объявлением войны и заключением мира.

Многие государства конституционно признали нормы международного права частью своих правовых систем, а ряд стран даже закрепили особую юридическую природу норм международного права в случае их инкорпорации в национальные конституции.

Послевоенные конституции более четко и детально регулируют полномочия центральных органов государственной власти, государственно-территориальное устройство, отношения между законодательной и исполнительной ветвями власти по вертикали и горизонтали. Расширены рамки конституционной юрисдикции путем учреждения института конституционного правосудия и других форм конституционного контроля и надзора.

Во многих конституциях появились положения, отразившие дальнейший процесс усиления регулирующей роли государства в экономической и социальной сферах. В некоторых из них это нашло выражение в нормах, указывающих на основные цели государств в данных сферах, на обязательства государственной власти обеспечивать экономическое развитие и социальную защиту. Например, Конституция Португалии 1976 г. содержит раздел, посвященный экономической и социальной системе государства и общества; в нем определяются принципы организации этой системы, вопросы планирования экономического и социального развития, сельскохозяйственная, торговая и промышленная политика, формы собственности (государственная, частная, кооперативная, общественная), формы экономической деятельности и др. Конституция Испании 1978 г. имеет специальную третью главу «Об основополагающих принципах социально-экономической политики», которая обязывает государственные органы обеспечивать правовую, экономическую и социальную защиту семьи; благоприятные условия экономического и социального развития страны, справедливое распределение доходов, полную занятость, создание государственной системы страхования, охрану окружающей среды, право граждан на благоустроенное жилье, пенсионное обеспечение и др.

Еще одной особенностью конституций третьего поколения является широкое введение в оборот понятий коллективные (солидарные) права, коллективная деятельность и коллективная (солидарная) ответственность. К коллективным правам были отнесены, в частности, право народа на сопротивление деспотизму, право народов (наций) на самоопределение, право народов на мир, право народов на развитие и др.

Строго говоря, первое коллективное право содержалось еще в Декларации независимости США 1776 г. и во французской Декларации прав человека и гражданина 1789 г. В них провозглашалось право народа на сопротивление угнетению (тогда имелись в виду королевская власть Великобритании, представители которой угнетали колонистов, и абсолютизм монархии во Франции). В конституциях третьего поколения некоторых стран Африки, народы которых свергли деспотические режимы, на это право также особо указывается, однако содержится оговорка: сопротивление мирными средствами (в качестве примера иногда называется кампания гражданского неповиновения). В целый ряд конституций стран, освободившихся от колониальной зависимости, вошло и коллективное право народов на самоопределение (конституции государств Африки, Латинской и Центральной Америки, Юго-Восточной Азии и других регионов).

Во многих конституциях третьего поколения можно найти положения о коллективных правах женщин, инвалидов, пенсионеров и детей (конституции Испании 1978 г., Бразилии 1968 г.). В Португалии и в некоторых странах Латинской и Центральной Америки в конституциях введен институт защиты коллективного права, а также закреплены права на участие в деятельности коллектива: право коллектива граждан требовать отмены актов, нарушающих экологию; право коллектива, где какой-либо его член состоит не менее одного года, требовать через суд устранения или ограничения прав этого члена и др.

Конституции современного (четвертого) поколения – новейшего времени датируются последним десятилетием XX – первыми десятилетиями XXI в. Они продолжают отражать тенденции второй половины XX столетия, с одной стороны, и учитывают качественные изменения цивилизационного развития, возникшие в странах и в мире в целом, – с другой.

Последнее десятилетие XX и начало XXI столетия характеризуются динамичными конституционными преобразованиями во многих странах. Процесс принятия новых и обновление действующих конституций охватил Старый Свет (страны Западной и Центральной Европы), постсоветское пространство (страны Восточной Европы, страны – члены СНГ), государства Ближнего и Среднего Востока, Азиатско-Тихоокеанского региона, Африки, Центральной и Южной Америки, Карибского бассейна.

1990-е годы ознаменовались переменами в Центральной и Восточной Европе. В бывших социалистических странах начался

процесс формирования режима либеральной демократии и свободного гражданского общества, основанного на принципах рыночной экономики, идеологического и политического плюрализма, правового государства. Другая существенная тенденция – рост числа государств на евразийском постсоциалистическом пространстве как следствие распада федераций. В декабре 1991 г. прекратил свое существование СССР, на его территории было создано 15 независимых суверенных государств. Распались и две другие социалистические федерации – СФРЮ и ЧССР.

В государствах Центральной и Восточной Европы, вставших на путь конституционно-демократических реформ, возникла необходимость принятия новых конституций. В новых конституциях постсоциалистических и постсоветских государств в целом на формально-юридическом уровне были воплощены признанные в мировом сообществе демократические принципы, закреплены основы нового конституционного строя: признание прав и свобод человека высшей ценностью; референдума и выборов как высшей формы суверенитета народа, альтернативности выборов; системы государственной власти, основанной на разделении властей, идеологического и политического плюрализма; многопартийности, множественности форм собственности и защиты частной собственности; независимости судей, обеспечиваемой конституцией и законом (например, конституции Болгарии 1991 г., Словакии 1992 г., Чехии 1992 г., Боснии и Герцеговины 1995 г., Словении 1997 г., Венгрии 1997 г., Польши 1997 г., Румынии 1999 г., Эстонии 1992 г., Латвии 1992 г., Литвы 1992 г. в ред. 1996 г., Узбекистана 1992 г., России 1993 г., Казахстана 1993 и 1995 гг., Молдовы 1994 г., Азербайджана 1995 г., Армении 1995 г., Беларуси 1994 г. в ред. 1996 г., Грузии 1995 г., Украины 1996 г. и др.).

Характерной чертой большинства конституций восточноевропейских государств постсоциалистического пространства является нацеленность на западноевропейскую либерально-демократическую модель конституционного строя. В то же время основные законы государств постсоветского пространства, несмотря на определенную их схожесть между собой и тяготение к либерально-демократическим устоям, не могут не отражать разную направленность конституционного развития, обусловленную геополитическими, экономическими и социальными интересами, историческими, национальными и духовно-культурными традициями этих стран. В частности, если конституции прибалтийских стран, России, Азербайджана, Армении, Молдовы, Грузии, Украины, Казахстана

подчеркнуто тяготели в этот период к построению конституционного государства западноевропейской модели, то Конституция Туркменистана 1992 г. обнаруживала целый ряд положений, характерных для основных законов восточных монархий.

В последнее десятилетие XX столетия продолжилось конституционное развитие стран, поставивших задачу обновления своего государственного и общественного строя в пользу расширения демократии и стабилизации, мягкого реформирования существующего строя для снижения социальной напряженности. В этих целях принимаются новые и вносятся поправки в уже принятые конституции. Так, в этот период в Азиатско-Тихоокеанском регионе, Африке, Центральной и Латинской Америке, на Ближнем Востоке завершился процесс принятия и совершенствования конституций в подавляющем большинстве государств, освободившихся от колониализма и тоталитарных режимов либо вставших на путь конституционного закрепления, обновления или реформирования своей традиционной государственности (конституции Бенина 1990 г., Намибии 1990 г., Того 1990 г., Мозамбика 1990 г., Мавритании 1991 г., Йемена 1991 г., Лаоса 1991 г., Монголии 1992 г., Руанды 1991 г., Колумбии 1991 г., Анголы 1992 г., Саудовской Аравии 1992 г., Джибути 1992 г., Мадагаскара 1992 г., Вьетнама в ред. 1992 г., Парагвая 1992 г., Камбоджи 1993 г., Аргентины 1994 г., Алжира в ред. 1996 г., ЮАР 1996 г., Чада 1996 г., Экваториальной Гвинеи 1996 г., Эритреи 1996 г., Судана 1998 г., Нигера 1999 г., Боливарианской Республики Венесуэлы 1999 г. (вступила в силу в 2000 г.) и др.).

Конституции новейшего времени, принимаемые и обновляемые в новом, XXI столетии оказались под влиянием серьезных перемен в геополитике, экономике, социальной сфере, научно-технологическом развитии. Возрос на них спрос как на инструменты корректировки и упорядочения конституционного строя, стабилизации политической и общественной жизни, инициирования новых импульсов развития и реформ, ответа на вызовы и угрозы цивилизации.

В географической статистике можно обнаружить, что самыми молодыми конституциями в своем большинстве являются конституции африканских государств: 19 конституций из 30 действующих приняты в новом столетии. Наряду с Африкой обновление конституций охватило государства и всех других континентов и регионов. По функциональной значимости конституции, принятые в первые два десятилетия XXI столетия, можно классифицировать по нескольким подгруппам.

Во-первых, к этому поколению принадлежат конституции стран, вставших на путь конституционной кодификации ранее принятых многочисленных поправок в действующие основные законы (конституции Швейцарии 1999 г. (вступила в силу в 2000 г.), Доминиканской Республики 2002 г.).

Ярким примером в этом отношении является Конституция Швейцарии 1999 г. В этой стране долгое время оставалась в силе Конституция 1874 г. Постепенно она была значительно модифицирована путем внесения целого ряда существенных поправок (около 140), которые нарушили стройность и согласованность конституционного регулирования федеративного устройства Швейцарии. В 1967 г. Швейцарским парламентом и федеральным министерством (департаментом) полиции и юстиции была создана рабочая группа по подготовке полного пересмотра действующей Конституции Швейцарской Конфедерации. Опубликованный в 1978 г. проект в течение нескольких лет проходил процедуру согласования. Окончательный проект был принят парламентом страны – Федеральным собранием 18 декабря 1998 г. и опубликован официально для ознакомления гражданами в самом начале 1999 г. 18 апреля 1999 г. новый Основной закон был одобрен на референдуме большинством народа Швейцарии и большинством кантонов, и новая Конституция Швейцарии вступила в силу 1 января 2000 г.

Во-вторых, в Азиатско-Тихоокеанском регионе, в Африке, Центральной и Латинской Америке продолжился конституционный процесс совершенствования государственности, адаптации ее к новым реалиям, а в некоторых государствах произошла даже смена государственно-политического строя (например, конституции Коморских островов 2001 г., Бангладеш 2004 г., Центрально-Африканской Республики 2004 г., Таиланда 2007 г., Мьянмы 2008 г., Эквадора 2008 г., Бутана 2008 г., Марокко 2011 г., Эритреи 2011 г., Туниса 2014 г., Непала 2015 г., поправки в конституции Вьетнама 2001 г., Кубы 2002 г. и др.).

Примером коренных конституционных преобразований является Конституция Непала – Основной закон Федеративной Демократической Республики Непал, вступивший в силу 20 сентября 2015 г., которым был учрежден окончательный переход от унитарного государства конституционной монархии к федеративной республике.

В-третьих, в государствах исламского мира получил всеобщее развитие процесс принятия конституций, адаптирующих отдельные идеи либеральной демократии и высшей ценности – прав и свобод

человека к особенностям мусульманской правовой системы (в частности, конституции Бахрейна 2002 г., Катара 2003 г., Афганистана 2004 г., Ирака 2004 г., Египта 2014 г.).

В-четвертых, в этот период в результате отделения появились также новые государства (Конституция Восточного Тимора 2002 г., Конституция Черногории 2007 г.) и спорные, непризнанные государства (Конституция Косова 2008 г.).

В-пятых, в странах Центральной и Восточной Европы, в новых суверенных государствах, образованных в результате распада социалистических федераций и затянувших реформирование государственности, началась адаптация нового общественного и государственного строя к особенностям национальной идентичности, к новым реалиям и запросам общества (например, конституции Венгрии 2011 г., Сербии 2006 г., Кыргызстана 2010 и 2021 гг.; поправки в конституциях Армении – 2015 г., России – 2008, 2014 и 2020 гг., Азербайджана – 2002, 2009 и 2016 гг., Беларуси – 2004, 2021, 2022 гг., Казахстана – 2007, 2011 и 2017 гг. и др.).

В-шестых, среди вышеназванных групп выделились конституции, выходящие за пределы традиционных подходов регулирования основ государственного и общественного строя и вводящие новые духовно-гуманитарные и экологические цивилизационные нарративы, отражающие как глобальные ценности, так и национальную идентичность.

Например, в Конституции Швейцарии 2000 г. содержится целая серия ограничений и запретов, связанных с использованием генной инженерии и биотехнологий. Эта тенденция была усилена тем, что на референдумах страны были установлены более жесткие ограничения нанесению вреда экологии и здоровью человека. В Конституции Венгрии 2011 г. на первое место поставлены такие ценности, как мир, безопасность, устойчивое развитие, экология и естественные права человека, духовность. Конституция этой страны начинается со слов «Боже, благослови венгров!». В преамбуле Конституции говорится, что самая важная база существования венгерского народа – это семья и нация, основополагающие ценности нашего единства – это верность, вера и любовь, а основой мощи общества и чести каждого человека являются труд, достижения, добытые человеческим разумом.

Особой группой выделяются конституции, придающие фундаментальное значение экологии и охране окружающей среды. Так, Эквадор стал первой в мире страной, закрепившей права природы на уровне Конституции. Конституция Эквадора 2008 г. в главе 7

(ст. 71–74) гарантирует природе право на существование, воспроизводство и восстановление. Эти положения в дальнейшем стали основой для нескольких судебных дел: например, местные жители подали иск властям одного из муниципалитетов, решивших расширить дорогу и сбросить мусор в реку. Так как это повлекло бы сужение русла и могло негативно сказаться на ее экосистеме, суд постановил отменить работы.

Конституция Бутана 2008 г. в ст. 5 определяет, что каждый бутанец является попечителем природных ресурсов и окружающей среды королевства на благо нынешнего и будущих поколений. Основной обязанностью каждого гражданина является внесение вклада в защиту природной среды, сохранение богатого биоразнообразия Бутана и предотвращение всех форм экологической деградации, включая шум, визуальное и физическое загрязнение за счет внедрения и поддержки экологически чистых практик и политики. Королевское правительство обязано: а) защищать, сберегать и улучшать первозданную окружающую среду и сохранять биоразнообразие страны; б) предотвращать загрязнение и деградацию окружающей среды; в) обеспечить экологически сбалансированное устойчивое развитие при одновременном содействии оправданному экономическому и социальному развитию; г) обеспечить безопасную и здоровую окружающую среду.

Согласно Конституции Бутана, его правительство должно обеспечить в целях сохранения природных ресурсов страны и предотвращения деградации экосистемы, чтобы минимум 60 % общей площади земель Бутана постоянно находились под лесным покровом. Парламент может по закону объявить любую часть страны национальным парком, заповедником дикой природы, природным заказником, охраняемым лесом, биосферным заповедником, критическим водоразделом и другими подобными территориями, заслуживающими охраны.

Мощной экологизации была подвергнута Конституция Франции, когда ее составной частью стала Хартия экологических принципов и прав (Экологическая хартия) 2005 г.¹

¹ См.: Конституционный закон Французской Республики № 2005–205 от 1 марта 2005 г. «О Хартии окружающей среды». – URL: <https://eulaw.edu.ru/spisok-dokumentov-po-pravu-evropejskogo-soyuza/konstitutsionnyj-zakon-frantsuzskoj-respubliki-2005-205-ot-1-marta-2005-g-o-hartii-okruzhayushhej-sredy/> (дата обращения: 12.10.2023).